

СВЕКРОВЬ- Баба Яга

3 испытания

Кощей

Купальская ночь

Свадьба?

Себестоимость

Поставщики

Зарплаты

Декларации

Ватрушки

Бухгалтерия ♥

Милана Панова

Свекровь — Баба Яга

«Автор»

2026

Панова М.

Свекровь — Баба Яга / М. Панова — «Автор», 2026

Свекровь у всех непростая. А у Маши — Баба Яга. Маша — старший бухгалтер сети пекарен из Ярославля: знает себестоимость ватрушки до копейки и не умеет печь. Её жених, программист Иван, ведёт знакомиться с мамой под Вологду. Мама живёт в избе на курьих ножках, летает в ступе и с порога выносит приговор: «Худосочная. Городская». Чтобы выйти замуж, Маше нужно пройти три испытания. Испечь хлеба за ночь в печи, которая слушается только хозяйку. Отмыть до блеска избу на курьих ножках, которая, как выяснилось, умеет бегать. И разобраться с Кощеем Бессмертным, который принёс старую расписку: долг свекрови — сто пудов золота, а в залог — Иван. А ещё впереди Купальская ночь со всей нечистью района, приезд Машиной мамы и красавица-русалка, которая пятнадцать лет плела фату для свадьбы с Иваном. Смешная и тёплая история о любви, бухгалтерии и о том, что даже с Бабой Ягой можно найти общий язык. Особенно если умеешь считать.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предложение с подвохом	5
Глава 2. Дорога в Кривую Сосну	8
Глава 3. Испытание первое: хлеб за ночь	12
Глава 4. Соседи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Милана Панова

Свекровь — Баба Яга

Глава 1. Предложение с подвохом

Иван сделал предложение на Стрелке, в том самом месте, где Которосль впадает в Волгу, а ярославские молодожёны каждые выходные фотографируются на фоне цветочной клумбы в виде медведя с секирой.

Был июнь, вечер, тепло. Над Волгой висело розовое закатное небо, по воде шёл теплоход «Николай Некрасов», на набережной играл саксофонист — плохо, но с чувством. Маша ела мороженое в вафельном стаканчике и думала о квартальном отчёте.

Она была бухгалтером. Не просто бухгалтером — старшим бухгалтером сети пекарен «Ярославна», двенадцать точек по городу, три цеха, сто сорок сотрудников. Каждый день Маша считала чужие булки: сколько испекли, сколько продали, сколько списали, сколько унесла домой уборщица тётя Валя (Маша знала и молчала, потому что у тёти Вали было трое внуков). Маша знала себестоимость ватрушки до копейки. Знала, сколько муки уходит на батон «Нарезной». Знала рецептуру сорока двух видов выпечки.

Сама она не умела испечь ничего. Вообще. Даже блины у неё получались комом — не первый, а все.

— Маш, — сказал Иван.

— М-м? — Маша лизнула мороженое и подумала, что в отчёте по цеху на Тутаева не сойдётся тридцать килограммов изюма.

— Маш, посмотри на меня.

Она посмотрела. И чуть не уронила мороженое.

Иван стоял на одном колене. Прямо на брусчатке. В джинсах и клетчатой рубашке, высокий, худой, лохматый, с вечно сползающими на кончик носа очками, — и протягивал ей коробочку. В коробочке было кольцо. Тоненькое, золотое, с маленьким камушком цвета болотной травы.

Вокруг уже собирались люди. Саксофонист, почуяв момент, переключился на «Love Me Tender». Какая-то бабушка с внуком остановилась и сказала: «Ой». Китайские туристы достали телефоны.

— Маша Соколова, — сказал Иван, и голос у него дрогнул. — Ты выйдешь за меня?

Маша смотрела на него, на кольцо, на Волгу за его спиной, и думала совсем не о том, о чём положено думать в такой момент. Она думала: «Тридцать килограммов изюма — это не воровство. Это ошибка в накладной. Пересортица с курагой». И только потом, с опозданием, как всегда, до неё дошло, что происходит.

— Да, — сказала она. — Ой. Да! Конечно, да!

Китайские туристы зааплодировали. Бабушка с внуком прослезилась. Саксофонист взял победную ноту и сфальшивил.

Иван надел ей кольцо — оно оказалось точно впору, хотя Маша никогда не говорила ему свой размер, — встал, отряхнул колено и обнял её. От него пахло, как всегда, кофе, нагретым ноутбуком и почему-то хвоей. Этот запах хвои Маша заметила ещё на первом свидании, полтора года назад, и всё время хотела спросить, что за одеколон. Но так и не спросила.

— Только есть одна вещь, — сказал Иван ей в макушку.

— Какая?

— Тебе надо познакомиться с моей мамой.

Маша отстранилась и посмотрела на него.

Полтора года. Полтора года они встречались, и за всё это время Иван ни разу не показал ей свою маму. Даже на фотографии. Говорил: «Она в деревне живёт. Под Вологдой. Она... своеобразная. Не любит фотографироваться». Звонил ей раз в неделю, по воскресеньям, уходил на балкон и разговаривал там полчаса, тихо, и Маша однажды случайно услышала, как он говорит в трубку: «Мам, ну хватит. Ну не ешь ты его, он же почтальон». Тогда она решила, что ослышалась.

— Конечно, — сказала Маша. — Давно пора. А когда?

— В субботу, — сказал Иван. — Поедем на выходные. Она нас ждёт.

— Отлично. Я ей что-нибудь испеку... то есть куплю. В «Ярославне». Торт «Медовик», он у нас хороший. Что она любит?

Иван как-то странно помолчал.

— Мясо, — сказал он наконец. — Она любит мясо. Но торт тоже возьми. Только не медовик. У неё с пчёлами... сложные отношения.

— Аллергия?

— Вроде того. Они ей в тысяча... в смысле, давно, один раз улей не отдали. С тех пор она их не любит.

Маша засмеялась. Иван тоже засмеялся, но как-то неубедительно.

— Вань, — сказала Маша. — А какая она? Твоя мама? Ты же никогда толком не рассказывал.

Иван снял очки, протёр их краем рубашки — он всегда так делал, когда нервничал, — и надел обратно.

— Она... строгая, — сказал он. — Очень. Ей сложно угодить. Она меня одна растила. Отец умер, когда мне было двадцать. Она... — Он замялся. — Маш, только ты не пугайся, ладно? Что бы ни увидела. Она хорошая. Правда. Просто она очень старой закалки.

— Насколько старой?

Иван посмотрел на Волгу. Потом на клумбу в виде медведя. Потом снова на Машу.

— Очень, — сказал он. — Очень старой.

Мама Маши, Галина Петровна Соколова, пятьдесят четыре года, главная медсестра хирургического отделения областной больницы имени Семашко, отреагировала на новость так, как реагировала на всё в своей жизни: сначала практично, потом эмоционально, потом снова практично.

— Наконец-то, — сказала она, разглядывая кольцо через очки. — Камень мелкий. Изумруд? Нет, не изумруд. Что это вообще за камень? Зелёный какой-то. Болотный.

— Мам!

— Я просто спрашиваю. — Галина Петровна отдала Маше руку обратно. — Поздравляю. Правда. Ваня хороший. Тихий, не пьёт, не курит, зарабатывает. Программист. Сейчас все программисты. — Она помолчала, и тут её лицо дрогнуло, глаза заблестели, и она быстро отвернулась к плите. — Доча. Ну надо же. Доча моя замуж выходит.

Маша обняла её со спины. Галина Петровна шмыгнула носом.

— Только вот что, — сказала она через минуту, снова практичная. — Ты его маму видела?

— В субботу поедем. Под Вологду.

— Под Вологду, — повторила Галина Петровна с тем же выражением, с каким говорила «под наркозом». — В деревню?

— В деревню.

— Название?

— Кривая Сосна.

— Это где вообще?

Маша нашла в телефоне карту. Долго искала. Деревни Кривая Сосна на карте не было. Был лес. Большой зелёный лес между Вологодой и Кубенским озером, без дорог, без деревень, без названий. Яндекс-карты показывали там сплошное зелёное пятно и одно слово мелким шрифтом: «урочище».

— Её нет на карте, — сказала Маша растерянно.

— Ну вот, — сказала Галина Петровна, как будто это всё объясняло. — Я так и знала. Значит, свекровь будет с характером. На карте нет — значит, никто туда не ездит. Никто не ездит — значит, с людьми не ладит. — Она развернулась от плиты и посмотрела на дочь с той профессиональной жалостью, с какой смотрела на пациентов перед операцией. — Ты, Маш, главное, держись. И не спорь с ней. Свекровь — это навсегда. Мужа можно поменять, а свекровь...

— Mam, я не собираюсь менять мужа!

— Это сейчас не собираешься. — Галина Петровна вытерла руки о полотенце. — Ладно. Что везти?

— Ваня сказал — торт. Только не медовик.

— Торт — это несерьёзно, — отрезала Галина Петровна. — В деревню торт не везут. В деревню везут то, чего там нет. Я тебе соберу.

И собрала. К пятнице в прихожей стояла сумка, в которой было: три банки домашних огурцов, банка лечо, палка сырокопчёной колбасы, коробка конфет «Коркунов», бутылка коньяка «Старейшина», пачка чая «Майский», упаковка влажных салфеток, пластырь, зелёнка, напатырь, тонометр и почему-то клизма.

— Клизма зачем? — спросила Маша.

— В деревне всё бывает, — туманно сказала Галина Петровна.

В пятницу вечером, когда они с Иваном укладывали сумки в багажник его старенькой «Шкоды Октавии», Маша вдруг вспомнила.

— Вань. А как маму-то зовут? Ты ни разу не говорил.

Иван захлопнул багажник. Помолчал.

— Ядвига, — сказал он. — Ядвига Карповна.

— Красивое имя. Польское?

— Вроде того, — сказал Иван. — Она... она его сама выбрала. Давно. А вообще её все в округе зовут просто... — Он запнулся. — Ну, просто. Бабушкой. Ты её так не зови, ладно? Она этого не любит. Особенно от чужих.

— А фамилия у неё твоя? Ягина?

— Ягина, — подтвердил Иван и почему-то покраснел до корней волос.

Маша решила, что он просто волнуется.

Глава 2. Дорога в Кривую Сосну

До Вологды доехали быстро: два с половиной часа по трассе, мимо Данилова и Грязовца, мимо полей, перелесков, заправок и придорожных кафе с названиями вроде «У Михалыча» и «Встреча». Иван вёл машину, Маша сидела рядом и смотрела в окно. По радио пели что-то про любовь. На заднем сиденье звенели банки Галины Петровны.

В Вологде остановились заправиться и купить вологодского масла — Иван сказал, что мама его «уважает, когда настоящее, с завода, а не подделка». В фирменном магазине молочного комбината пахло так, что Маша чуть не заплакала. Сливочное масло, сметана, творог, сыр, ряженка в стеклянных бутылках. Маша по профессиональной привычке посмотрела на ценники, прикинула себестоимость и вздохнула.

— А теперь, — сказал Иван, выезжая из Вологды на север, — начинается самое интересное.

Самое интересное началось через сорок минут, когда закончился асфальт.

Сначала была нормальная грунтовка — широкая, накатанная, с указателями на сёла. Потом грунтовка сузилась. Потом указатели кончились. Потом кончилась грунтовка, и началась колея — две глубокие борозды в песке и глине, между которыми рос подорожник. По сторонам встал лес. Высокий, тёмный, еловый, такой густой, что даже в июньский полдень под ёлками было сумрачно, как вечером.

«Шкода» скребла днищем и жалобно стонала. Банки на заднем сиденье звенели всё громче. Связь пропала — сначала 4G, потом 3G, потом вообще всё. Навигатор на телефоне показал Маше синюю точку посреди зелёного пятна и надпись: «Маршрут не найден».

— Вань, — сказала Маша. — Ты уверен, что мы правильно едем?

— Уверен, — сказал Иван и свернул направо, туда, где, как показалось Маше, вообще не было никакой дороги.

Ещё через полчаса они проехали мимо одной и той же сосны в третий раз.

Маша её запомнила. Сосна была приметная: кривая, с толстым стволом, изогнутым буквой «зю», и с вороньим гнездом на самой верхушке. На нижней ветке висела выцветшая красная ленточка.

— Вань, — сказала Маша. — Это та же сосна.

— Знаю, — сказал Иван сквозь зубы.

— Мы кругами ездим.

— Знаю.

— Может, навигатор...

— Маш, навигатор тут не поможет. — Иван остановил машину, заглушил двигатель и вздохнул. — Это Аристарх. Опять балуется.

— Кто?

Иван не ответил. Открыл дверь, вышел из машины, встал посреди колеи, сложил руки рупором и крикнул в лес:

— Аристарх Лукич! Это я, Ваня! Ягин! Домой еду! С невестой! Хватит уже!

Лес молчал. Только где-то вдалеке закаркала ворона.

— Аристарх Лукич! — снова крикнул Иван. — Я маме скажу!

Секунду было тихо. А потом из-за кривой сосны вышел старик.

Маша потом долго пыталась вспомнить, откуда он вышел. За сосной не было ничего — только мох и папоротник. Но старик вышел, и всё тут.

Он был высокий, сутулый, худой, как жердь. В выцветшем камуфляже, в резиновых сапогах, в старой шапке-ушанке с одним опущенным ухом, хотя был июнь. Борода — длинная, седая, клочковатая, с застрявшими в ней сухими иголками, кусочками коры и одной живой

божьей коровкой. Лицо — тёмное, морщинистое, как кора старого дуба. А глаза — зелёные. Ярко-зелёные. Как мох после дождя.

На груди у старика висел значок: «Егерь. Вологодское лесничество». Значок был советский, ещё с гербом СССР.

— Ванька, — сказал старик скрипучим голосом, похожим на скрип старого дерева в ветер. — Ты, что ль? Вырос-то как. Я тебя не признал. Думал — грибники из Вологды. Они мне в прошлом году поляну с белыми вытоптали, я их три дня по болоту водил. Для профилактики.

— Это я, Аристарх Лукич. — Иван подошёл к старику и пожал ему руку. Рука у егеря была тёмная, узловатая, с длинными пальцами, похожими на корни. — Здравствуйте. Мама дома?

— Дома, где ж ей быть. Ждёт тебя. С утра избу метёт. — Аристарх Лукич перевёл зелёный взгляд на Машу, которая сидела в машине с открытым ртом. — А это кто? Невеста?

— Невеста. Маша. Из Ярославля.

Леший — Маша ещё не знала, что это леший, но уже начинала догадываться, что что-то здесь не так, — подошёл к машине, наклонился к окну и долго, внимательно её разглядывал. От него пахло хвоей, грибами, мокрым мхом и чем-то ещё, древним и диким. Как от Ивана, только во сто крат сильнее.

— Худенькая, — сказал он наконец. — Городская. Ну-ну. Ядвига тебя, девка, съест.

— В каком смысле — съест? — слабым голосом спросила Маша.

— В переносном, — быстро сказал Иван. — Аристарх Лукич шутит.

— Шучу, — согласился леший. И подмигнул Маше зелёным глазом. — Пока что.

Он выпрямился, отступил на шаг и махнул рукой в сторону леса. И лес... Маша потом клялась себе, что ей показалось. Но лес будто бы раздвинулся. Ёлки чуть отступили в стороны, колея выпрямилась, и впереди, совсем недалеко, где раньше была сплошная стена деревьев, показался просвет.

— Езжайте, — сказал Аристарх Лукич. — Прямо. Никуда не сворачивайте. Ядвиге поклон. Скажи — вечером зайду, грибов принесу. Первые подберёзовики пошли.

— Спасибо, Аристарх Лукич.

— Не за что. — Леший посмотрел на Машу ещё раз. — Девка. Ты, если что, в лесу не теряйся. Если заблудишься — позови. Я приду. Ванькиной невесте помогу. Раз.

— Только раз? — спросила Маша.

— Только раз, — серьёзно сказал леший. — Больше — не положено. Закон.

И ушёл обратно за кривую сосну. И его не стало.

Иван сел в машину, завёл двигатель. Руки у него слегка дрожали.

— Вань, — сказала Маша очень спокойно. — Кто это был?

— Егерь, — сказал Иван. — Местный.

— Вань.

— Лесник.

— Вань. Он вышел из ниоткуда. И у него глаза зелёные. Совсем. И лес раздвинулся.

Иван молчал. Машина медленно ехала по выпрямившейся колее к просвету.

— Маш, — сказал он наконец, не глядя на неё. — Помнишь, я тебя просил не пугаться? Что бы ни увидела?

— Помню.

— Вот. Пожалуйста. Не пугайся.

И они выехали на поляну.

Поляна была большая, солнечная, круглая, окружённая со всех сторон высоким еловым лесом. Посреди поляны текла речка — маленькая, быстрая, прозрачная, с песчаным дном. Через речку был перекинут мостик из двух брёвен. На берегу росла старая черёмуха. За черёмухой был огород — аккуратный, ухоженный, с грядками картошки, капусты, свёклы и почему-

то мака. За огородом — колодец с журавлём. Банька, почерневшая от времени. Поленница. Сарай. Забор.

Забор был странный. Высокий, частый, из заострённых жердей. И на каждой жерди... Маша прищурилась. На каждой жерди сидел горшок. Глиняный, перевёрнутый вверх дном. А на некоторых — не горшки. Что-то белое, круглое, гладкое...

— Это черепа? — сказала Маша тихо.

— Это кабачки, — быстро сказал Иван. — Белые. Сорт такой. «Аэронавт». Мама их на заборе сушит.

Маша посмотрела ещё раз. Это были кабачки. Действительно. Белые, круглые, гладкие. Но на секунду — на одну короткую секунду — ей показалось, что у одного из них есть глазницы.

А посреди двора, за забором, стояла изба.

Она была старая. Очень старая. Тёмная, бревенчатая, низкая, с маленькими окошками, с крышей, поросшей мхом, с покосившимся крылечком. Из трубы шёл дымок. На наличниках были вырезаны какие-то узоры — то ли птицы, то ли змеи, то ли буквы незнакомого алфавита.

И изба стояла на ногах.

На двух огромных, толстых, жёлтых, чешуйчатых куриных ногах. С когтями. Каждый коготь — размером с Машину руку.

Изба стояла к ним задом. То есть задней стеной, без окон и без двери. И, судя по тому, как ноги переминались с одной на другую, она стояла так давно и немного устала.

Маша сидела в машине и смотрела на избу. Изба переминалась с ноги на ногу. Из трубы шёл дымок.

— Вань, — сказала Маша очень тихо. — У дома ноги.

— Да, — сказал Иван.

— Куриные.

— Да.

— Вань. Твоя мама — Баба Яга?

Иван снял очки. Протёр их. Надел.

— Она не любит, когда её так называют, — сказал он. — Особенно чужие. Зови её Ядвига Карповна. Пожалуйста.

Маша открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

И тут, из-за избы, раздался голос. Громкий, скрипучий, хрипловатый, с сильным вологодским оканьем, — голос, от которого с черёмухи вспорхнули все птицы разом:

— Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом! Сын приехал! Невесту привёз! Худосочную! Городскую!

Изба вздрогнула. Скрипнула. Переступила с ноги на ногу — тяжело, неуклюже, как курица на льду. И медленно, с грохотом, со скрипом брёвен, с треском половиц внутри, — повернулась.

К ним передом.

На крыльце стояла старуха.

Она была невысокая, сухая, жилистая. В длинной тёмной юбке, в вязаной кофте поверх цветастой блузки, в повязанном по-деревенски платке. Нос — длинный, крючковатый, с бородавкой на кончике. Подбородок — острый, выдающийся вперёд. Глаза — маленькие, чёрные, блестящие, как две ягоды черники. Во рту — папироса «Беломорканал». В руке — помело. Старое, растрёпанное, с отполированной до блеска рукоятью.

Одна нога у старухи была обычная, в шерстяном носке и калоше. А другая...

Другая была костяная. Белая, гладкая, тонкая, от самого колена. Вместо ступни — что-то вроде копытца.

Старуха вынула изо рта папиросу. Выпустила дым. Посмотрела на Машу — сквозь лобовое стекло «Шкоды», сквозь двадцать метров двора, сквозь всё, — долгим, тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Ну, — сказала она. — Показывай, Ванька. Что ты там себе нашёл.

Маша вышла из машины. Ноги у неё были ватные. В руках — пакет с вологодским маслом и коробка конфет «Коркунов». Она подошла к калитке. Калитка открылась сама — со скрипом, похожим на смешок.

Ядвига Карповна спустилась с крыльца. Костяная нога стучала по ступенькам — цок, цок, цок. Подошла. Остановилась в двух шагах. Обошла Машу кругом — медленно, как обходят лошадь на ярмарке. Ткнула её пальцем в плечо. Потом в бок. Потом заглянула ей в лицо снизу вверх.

— Худосочная, — вынесла она приговор. — Городская. Руки белые, мягкие. Работы не знают. Небось, и хлеба испечь не умеешь?

— Не умею, — честно сказала Маша.

Ядвига Карповна замерла. Подняла бровь. Похоже, такого ответа она не ждала.

— Не умеешь? — переспросила она. — Честно говоришь?

— Честно. Я бухгалтер. Я умею считать хлеб. Печь — нет.

Старуха смотрела на неё ещё секунду. Потом сунула папиросу обратно в рот и хмыкнула.

— Ну хоть не врёт, — сказала она через плечо сыну. — И то ладно. — Потом снова повернулась к Маше. — Я — Ядвига Карповна. Ванькина мать. В избу пошли. Чего встала? Масло-то, поди, растаяло уже. Вологодское?

— Вологодское. С завода.

— Ну-ну, — сказала Ядвига Карповна. И впервые в её чёрных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Маленькое. С горошину. — Посмотрим, какое оно у вас, вологодское.

И пошла к избе, стуча костяной ногой.

Маша обернулась к Ивану. Тот стоял у машины с сумками в руках и смотрел на неё с таким выражением, будто ждал, что она сейчас сядет обратно в «Шкоду» и уедет в Ярославль. Одна. Навсегда.

— Ты как? — спросил он тихо.

Маша подумала. Посмотрела на избу на куриных ногах. На забор с кабачками. На старуху с помелом. На речку, черёмуху, лес.

— У тебя мама — Баба Яга, — сказала она.

— Да.

— А ты, значит...

— Наполовину, — сказал Иван. — Отец был человек. Геолог. — Он поставил сумки на траву и подошёл к ней. — Маш. Если ты сейчас уедешь, я пойму. Правда. Я бы сам уехал.

Маша смотрела на него. На его очки. На лохматые волосы. На руки, которые полтора года обнимали её каждый вечер. На кольцо у себя на пальце — с камушком цвета болотной травы.

И тут она поняла, откуда этот запах хвои. Полтора года хотела спросить. А это был не одеколон. Это был лес. Он в нём жил.

— Вань, — сказала она. — У меня мама — главная медсестра хирургии. Она в восемьдесят девятом году на спор зашила себе палец без наркоза. Я на неё всю жизнь смотрю. — Маша глубоко вдохнула. — Я не уеду.

Иван выдохнул так, будто держал воздух полтора года.

С крыльца донёсся скрипучий голос:

— Ну, долго вы там милуетесь? Щи стынут! Ванька, неси сумки! Девка, иди сюда! Посмотрим, что ты за хозяйка!

Глава 3. Испытание первое: хлеб за ночь

Внутри изба оказалась больше, чем снаружи.

Маша это заметила сразу, как переступила порог. Снаружи изба была маленькая — метров пять на пять, не больше. А внутри — горница, большая, светлая, с огромной русской печью в углу, с длинным столом под льняной скатертью, с лавками вдоль стен, с полатами под потолком. Из горницы вели три двери. Маша потом насчитала: одна — в кладовку, одна — в спальню, одна — неизвестно куда. Ядвига Карповна, когда Маша про неё спросила, сказала: «Туда не ходи». И больше ничего не объяснила.

Пол в избе слегка покачивался. Еле заметно, как палуба. Изба переминалась с ноги на ногу.

На печке спал кот.

Огромный, серый, полосатый, пушистый, с толстым хвостом, свисающим с края печи почти до пола. Он лежал на спине, раскинув лапы, и храпел. Когда Маша вошла, кот приоткрыл один глаз — жёлтый, сонный — и сказал низким, бархатным, ленивым голосом:

— Жила-была одна девица. Пришла она к Бабе Яге. А Баба Яга её...

— Баюн, цыц, — сказала Ядвига Карповна, не оборачиваясь. — Не начинай.

— ...а Баба Яга её накормила, напоила, в баньке выпарила и спать уложила, — закончил кот, зевая. — И девица уснула. И спит до сих пор. И ты спи. Спи, девица. Спи...

Маша почувствовала, как у неё тяжелеют веки. Сладко, тепло, как в детстве, когда бабушка читала сказку. Она покачнулась.

Ядвига Карповна, не глядя, швырнула в кота калошей. Калоша попала точно в лоб.

— Мяу, — сказал кот обиженно и перевернулся на бок.

Маша проморгалась. Сонливость прошла.

— Кот Баюн, — пояснила Ядвига Карповна. — Сказочник. Кого заговорит — тот уснёт. Ты при нём не зевай. А то проспишь свадьбу.

— Он... разговаривает?

— А у вас в Ярославле коты не разговаривают? — Ядвига Карповна посмотрела на неё с искренним удивлением. — Ну и скучно вы живёте. Садись. Щи будешь?

Щи были невероятные. Маша не ела таких никогда в жизни. Кислые, наваристые, со свежей капустой и кислой, с мясом (Маша не стала спрашивать, каким), со сметаной, в которой стояла ложка. С чёрным хлебом — домашним, тёплым, с хрустящей коркой, пахнущим тмином и чем-то ещё, тёмным и сладким.

Ядвига Карповна смотрела, как Маша ест. Внимательно. Не мигая.

— Хлеб нравится? — спросила она.

— Очень, — честно сказала Маша. — Это лучший хлеб, какой я пробовала. А я, вообще-то, в пекарне работаю. У нас двенадцать точек.

— В пекарне работаешь, а печь не умеешь. — Ядвига Карповна затянулась «Беломором». — Чудно. Чего же ты там делаешь?

— Считаю.

— Что считаешь?

— Всё. Сколько муки, сколько дрожжей, сколько соли. Сколько испекли, сколько продали. Себестоимость. Наценку. Списание. Налоги.

— Налоги, — повторила Ядвига Карповна с таким отвращением, будто Маша сказала «тараканы». — Ишь ты. — Она помолчала. Выпустила дым. — Ну что ж, счётчица. Хлеба, говоришь, испечь не умеешь?

— Не умею.

— А моему сыну что жрать будешь давать? Покупное?

— Ну... да. В «Ярославне». У нас хороший хлеб. «Дарницкий». И «Бородинский». Иван, сидевший рядом, тихо застонал и закрыл лицо руками.

Ядвига Карповна медленно положила папиросу на край блюдечка. Медленно встала. Подошла к печке. Открыла заслонку. Там, в тёмном жерле, багрово тлели угли.

— Значит, так, — сказала она, не оборачиваясь. — Порядок такой. Кто в мой дом невестой входит — тот три испытания проходит. Так моя мать заведено, и бабка, и прабабка. И я не отступлю. Не пройдёшь — езжай назад в свой Ярославль, считай свои налоги. Пройдёшь — ну... — Она обернулась. Чёрные глаза блеснули. — Тогда поглядим.

— Мам! — сказал Иван. — Какие испытания? Двадцать первый век!

— А у меня, сынок, — отрезала Ядвига Карповна, — четырнадцатый. В душе. Цыц. Иван цыкнул.

— Испытание первое, — сказала Ядвига Карповна, глядя Маше прямо в глаза. — К утру испечёшь хлеб. Каравай. Такой, чтобы я его съела и не плюнула. Мука — в кладовке. Печь — вот она. Дрова — в сених. Вода — в колодце. Помогать никому нельзя. — Она посмотрела на сына. — Тебе в особенности. Ты ко мне в баню пойдёшь, на всю ночь. Попаришься, отдохнёшь с дороги. А то бледный, как поганка.

— Мам!

— Цыц, сказала.

Маша сидела за столом и смотрела на печь. Огромную, белёную, древнюю. С тёмным жерлом, где тлели угли. Она никогда в жизни не топила печь. Она никогда в жизни не месила тесто. Она даже не знала, с какой стороны к нему подходить.

— А если не испеку? — спросила она тихо.

Ядвига Карповна улыбнулась. Улыбка вышла жутковатая — зубы у неё были крепкие, жёлтые и, как Маше показалось, чуть острее, чем положено.

— А если не испечёшь, — сказала она ласково, — то я тебя, девка, сама в печь посажу. На лопату — и туда. Румяную. С корочкой.

Тишина.

— Шучу, — сказала Ядвига Карповна. — Пока что.

К одиннадцати вечера Маша поняла, что не справится.

Она была одна. Иван, бледный и несчастный, ушёл с матерью в баню. Перед уходом он успел шепнуть Маше: «Маш, прости. Я не знал, что она это устроит. Если хочешь, утром уедем». Ядвига Карповна вытолкала его за дверь помелом.

Кот Баюн спал на печке и храпел. Иногда сквозь храп бормотал: «И пекла девица хлеб... и пекла... и не испекла... и посадили её в печь...» Маша кидала в него калошей, как Ядвига Карповна. Попадала через раз.

Кладовка оказалась огромной — больше, чем горница. Мешки муки, ржаной и пшеничной. Бочки с квашеной капустой. Банки с вареньем. Связки сушёных грибов. Мешочки с травами. Горшки, крынки, кадушки. На одной кадушке было написано мелом: «Опара. Не трогать. 1783».

Маша нашла муку. Нашла соль. Нашла воду — в ведре у печки. Не нашла дрожжей. Ни сухих, ни прессованных. Ни «Саф-Момент», ни «Пакмай». Ничего.

— Как же она печёт без дрожжей? — спросила она вслух.

— На закваске, — сказал Баюн сквозь сон. — На живой. Ей двести лет. Она в кадушке. «Не трогать».

— А если я её трону?

— Тогда она тебя тронет, — сонно сообщил кот. — Она злая. Старая. Кусается.

Маша подошла к кадушке. Осторожно приподняла крышку. Внутри было что-то серое, пузыристое, живое. Оно пахло кислым, хлебным, древним. И дышало. Буквально — поднималось и опускалось, как грудь спящего человека.

Маша опустила крышку.

Она достала телефон. Связи не было. Но был скачанный заранее — на всякий случай, как все бухгалтеры, она всё делала на всякий случай — PDF «Технологические карты хлебобулочных изделий сети пекарен "Ярославна"». Двести страниц. Сорок два вида выпечки. Рецепттура, граммовка, температура, время расстойки, время выпечки.

Маша открыла файл. Нашла «Хлеб ржано-пшеничный подовый». Прочитала. Технологическая карта требовала тестомесильную машину, расстойный шкаф с температурой тридцать два градуса и влажностью восемьдесят процентов и ротационную печь «Восход».

У неё была кадушка с двухсотлетней кусачей закваской и печь, которую топили, наверное, ещё при Иване Грозном.

Маша села на лавку. Посмотрела на печь. На мешки с мукой. На кота. На тёмное окно, за которым шумел лес.

И заплакала.

Тихо. Без всхлипов. Слёзы просто текли сами, как вода из крана. Она плакала от усталости, от страха, от того, что всё это слишком — изба на ногах, кот-сказочник, свекровь с костяной ногой, — и от того, что она любит Ивана, а значит, ей придётся как-то с этим всем жить. И от того, что она не умеет печь хлеб. Никогда не умела. Мама не учила — мама работала в две смены. Бабушка учила, давно, в детстве, — но Маша тогда была маленькая и не слушала.

Бабушка.

Маша вдруг вспомнила.

Бабушка Нюра. Мамина мама. Из Пошехонья — маленького городка на краю Рыбинского водохранилища. Умерла, когда Маше было двенадцать. Маша почти её не помнила — только руки, тёплые, пахнущие мукой и тмином, и голос, тихий, напевный, окающий. Бабушка пекла пироги, вязала носки и рассказывала сказки. Про Василису Прекрасную. Про то, как злая мачеха отправила Василису к Бабе Яге за огнём, а Баба Яга задала ей работу, невыполнимую, а Василисе помогла куколка. Маленькая куколка, которую ей дала мама перед смертью. Куколка, которую надо было кормить и которой надо было рассказывать свою беду.

Перед смертью бабушка Нюра дала Маше куколку. Тряпичную, маленькую, без лица, в цветастом платочке и красном сарафанчике. Сказала: «Держи, Машенька. Береги. Будет тебе тяжело — покорми её и Расскажи. Она поможет». Маша тогда не поняла. Решила, что это игрушка. Но берегла. Носила с собой — сначала в школьном рюкзаке, потом в студенческой сумке, потом в офисной. Как талисман. Как память. Куколка жила во внутреннем кармане её сумки уже пятнадцать лет. Маша её почти не замечала.

Она бросилась к сумке. Расстегнула внутренний карман.

Куколка была там. Маленькая, потрёпанная, выцветшая. Без лица. В платочке и сарафанчике.

Маша положила её на стол. Посмотрела. Чувствуя себя полной идиоткой, отломил кусочек хлеба от того, что остался с ужина, и положила перед куколкой. Налила в напёрсток — нашла его в Ядвиговой шкатулке на подоконнике — немного молока.

— Куколка, — сказала она шёпотом. — На, покушай. Да моего горя послушай.

Она не знала, откуда взялись эти слова. Они пришли сами. Бабушкиным голосом, окающим, напевным.

Ничего не произошло.

Куколка лежала на столе. Хлеб лежал перед ней. Молоко в напёрстке не шевелилось.

Маша закрыла лицо руками.

— Ну и чего ревёшь?

Маша подняла голову.

Куколка сидела. Сидела на столе, свесив тряпичные ножки, и держала в маленьких тряпичных ручках кусочек хлеба. Лица у неё по-прежнему не было — только гладкая ткань. Но Маша откуда-то знала, что куколка на неё смотрит. И что смотрит неодобрительно.

— Пятнадцать лет, — сказала куколка. Голос у неё был тоненький, но очень сердитый, как у старой учительницы. — Пятнадцать лет в сумке! Ни разу не покормила! Ни разу! Я там с твоими чеками жила! С помадой! С зарядкой от телефона! Ты знаешь, как зарядка пахнет? Пластмассой! Пятнадцать лет пластмассой нюхать!

— Простите, — пролепетала Маша.

— «Простите», — передразнила куколка, откусывая хлеб. — Хлеб-то, кстати, хороший. Ядвига. Узнаю. На закваске, что ещё её бабка ставила. — Она отхлебнула молока из напёрстка. — Ну? Рассказывай. Чего у тебя?

Маша рассказала. Про Ивана. Про предложение. Про избу на ногах. Про свекровь. Про хлеб, который надо испечь к утру.

Куколка слушала, жуя хлеб.

— Ядвига, — сказала она, когда Маша закончила. — Ну конечно. Кто ж ещё. Она этот номер с хлебом ещё при Василисе выкидывала. При Прекрасной. — Куколка фыркнула. — Я тогда тоже помогала. Мать Василисы меня делала. Потом я к бабке твоей попала. Потом к тебе. Мы, куколки, по женской линии передаёмся. Вот так.

— Вы... помогли Василисе Прекрасной? Той самой?

— А то. — Куколка допила молоко. — Глупая была девка, кстати. Красивая, но глупая. Ты хоть считать умеешь. Это уже лучше. — Она спрыгнула со стола на лавку, с лавки на пол и деловито пошла к кладовке, переваливаясь на тряпичных ножках. — Ну, пошли. Чего сидишь? До утра шесть часов. Опару ставить надо. Закваску будить.

— Она кусается, — сказал Маша. — Кот говорит.

— Кот твой брешет, — сказала куколка. — Не кусается. Она просто старая и обидчивая. Её Ядвига двести лет одна кормит. Чужих не любит. Ты её погладь сначала. Скажи ласковое. Она подбодрит.

Маша открыла кадушку. Серое, пузыристое, живое тесто вздохнуло ей навстречу.

— Здравствуйте, — сказала Маша закваске. Чувствуя себя совершенно безумной. — Вы очень... очень красивая закваска. Пахнете замечательно. Можно, я у вас немножко возьму? Пожалуйста. Мне очень надо.

Закваска замерла. Потом медленно, как будто раздумывая, выпустила большой пузырь. Пузырь лопнул с тихим «пфф».

— Разрешила, — сказала куколка. — Бери ложкой. Деревянной. Железом не смей, обидится.

Следующие шесть часов Маша не забудет никогда.

Куколка сидела на краю стола и командовала. Как прораб на стройке. Как старшая медсестра в операционной. Как Галина Петровна, только маленькая и без лица.

— Муку сей! Через сито! Сито — на гвозде, у печки! Не так! Сверху! Встряхивай! Ровнее!

— Воду грей! Не горячую! Тёплую! Как парное молоко! Локтем проверь! Локтем, я сказала, не пальцем!

— Соль клади! Щепоть! Нет, не такую! Бабью щепоть, тремя пальцами! У тебя пальцы как у воробья, клади две!

— Меси! Меси, говорю! Не ладошкой — кулаком! Вот так! Сильнее! Ты что, тесто гладишь? Ты его меси! Оно должно чувствовать, что ты главная!

Маша месила. Час. Руки болели. Плечи горели. Тесто прилипало к пальцам, к столу, к локтям, к волосам.

— Пой, — велела куколка.

— Что?

— Пой, говорю. Тесто любит, когда поют. Бабка твоя пела. Ядвига поёт. Все поют.

— Я не умею петь.

— А хлеб печь умеешь? — ехидно спросила куколка. — Пой давай.

Маша запела. Первое, что пришло в голову. «Ой, то не вечер, то не вечер». Её мама всегда пела это на кухне, когда готовила. Маша пела плохо, фальшиво, сбиваясь, но пела. И тесто — она это почувствовала — вдруг стало мягче. Послушнее. Перестало прилипать. Стало гладким, упругим, тёплым, живым.

— Во, — одобрила куколка. — Пошло дело.

Потом тесто подходило. Два часа. Маша сидела рядом с кадушкой и смотрела, как оно дышит, поднимается, растёт. Куколка дремала у неё на коленях. Кот Баюн храпел на печке и бормотал сквозь сон: «И месила девица... и пела девица... и поднялось тесто...» — и Маша поняла, что впервые он рассказывает сказку, в которой с девицей всё хорошо.

Потом была печь.

Это было самое страшное. Маша растопила её с пятого раза — дрова не разгорались, дым шёл в избу, Маша кашляла, плакала от дыма и ругалась шёпотом словами, которых не знала, что знает. Куколка сказала: «Заслонку открой, дурёха. Тяга нужна». Маша открыла. Дрова вспыхнули.

Потом надо было ждать, пока прогорит. Потом выгрести угли. Потом проверить жар — куколка велела бросить на под щепотку муки, и если мука потемнеет, но не сгорит, — значит, пора.

Мука потемнела. Не сгорела.

Маша посадила каравай на деревянную лопату — огромную, тяжёлую, с отполированной до блеска рукоятью, похожей на рукоять Ядвирино помела, — и задвинула в печь.

Закрыла заслонку.

Села на пол перед печью. Обняла колени. Куколка села рядом.

— Теперь что? — спросила Маша.

— Теперь ждать, — сказала куколка. — И молиться. Кто как умеет.

Было четыре часа утра. За окном светало — в июне на Вологодчине почти не темнеет, белые ночи. Где-то в лесу запела птица. Изба тихонько переступила с ноги на ногу, и Маша почему-то подумала, что та тоже волнуется.

В шесть утра дверь избы распахнулась.

На пороге стояла Ядвига Карповна — красная, распаренная, с мокрыми волосами, выбившимися из-под платка, в банном халате поверх юбки. За ней — Иван, бледный, невыспавшийся, с перепуганными глазами.

Ядвига Карповна вошла. Принюхалась. Длинный крючковатый нос дрогнул.

Изба пахла хлебом.

Маша встала с пола. Руки у неё дрожали. Лицо было перемазано сажей и мукой, волосы — в тесте, под ногтями — тесто, на локтях — тесто. Она молча открыла заслонку. Взяла лопату. Вытащила каравай.

Он был кривой. Немного подгорел с одного бока. Немного не поднялся с другого. На корке была трещина, похожая на молнию. Но он был румяный, круглый, тяжёлый, горячий. И пах так, что у Ивана заурчало в животе.

Маша положила каравай на стол. На льняную скатерть.

Ядвига Карповна подошла. Посмотрела на каравай. Постучала по корке костяшкой пальца — звук был глухой, правильный. Понюхала. Взяла нож. Отрезала горбушку.

Положила в рот.

Жевала долго. Медленно. С закрытыми глазами.

Иван не дышал. Маша не дышала. Кот Баюн на печке приоткрыл один глаз. Куколка, спрятанная в Машином кармане, замерла.

Ядвига Карповна проглотила. Открыла глаза.

— Пересолила, — сказала она.

Машино сердце упало куда-то в пятки.

— И с одного бока подгорело, — продолжала свекровь. — И мякиш сыроват. И форма — как у коровьей лепёшки. — Она отрезала ещё кусок. Положила в рот. Пожевала. — И закваску мою трогала, поди. Без спросу.

— Я спросила, — пролепетала Маша. — Она разрешила.

Ядвига Карповна замерла с куском хлеба во рту.

— Разрешила? — переспросила она медленно. — Моя закваска? Тебе? Чужой?

— Пузырь выпустила. Это... это значит «да». Мне сказали.

Ядвига Карповна долго смотрела на неё. Потом прожевала хлеб. Отрезала третий кусок. Намазала его вологодским маслом — тем, что Маша привезла. Посолила. Съела.

— Не плюнула, — сказала она наконец. Сухо, коротко, как выносят приговор. — Первое испытание — засчитано.

И, не глядя ни на кого, взяла каравай целиком, прижала к груди, как младенца, и ушла с ним в ту самую третью дверь, про которую говорила «туда не ходи».

Иван бросился к Маше. Обнял. Прямо так — в муке, в саже, в тесте.

— Маша, — шептал он. — Маша, ты... как? Как ты это сделала? Ты же не умеешь...

— Не умею, — сказала Маша ему в плечо. — Мне помогли.

— Кто?

Маша вытащила из кармана куколку. Куколка сидела у неё на ладони и, кажется, смотрела на Ивана. Без лица.

— Бабушкина, — сказала Маша. — Из Пошехонья.

Иван посмотрел на куколку. Потом на Машу. Потом снова на куколку.

— Мама, — сказал он слабым голосом, — была не против, что тебе помогали?

— Мама сказала — «помогать никому нельзя», — ответила куколка тоненьким голосом. — Никому. Это значит — людям. А я не человек. Я куколка. В правилах лазейка. Ядвига её сама знает. Сама так когда-то Василису пропустила.

Иван открыл рот. Закрыл.

С печки донёсся сонный голос Баюна:

— И испекла девица хлеб... И съела его Баба Яга... И не плюнула... И сказала... — Кот зевнул во всю пасть. — Ой, а дальше я ещё не придумал. Дальше вы сами.

А из-за третьей двери, той самой, про которую «туда не ходи», доносился странный звук. Маша прислушалась.

Ядвига Карповна ела хлеб. И, кажется, плакала.

Глава 4. Соседи

Отпуск Маша взяла на две недели. Сама. В понедельник утром, стоя на крыльце избы на куриных ногах с телефоном, поднятым над головой, потому что связь ловилась только там, и то через раз.

— Маша, у нас квартальный отчёт! — кричал в трубку генеральный директор «Ярославны» Олег Борисович. — Изюм не сходится! Тридцать килограммов!

— Пересортица с курагой, — сказала Маша. — Накладная от двенадцатого мая. Поставщик перепутал позиции. Я им уже письмо написала. Олег Борисович, мне нужно две недели. По семейным обстоятельствам.

— Каким ещё обстоятельствам?

Маша посмотрела во двор. Там Ядвига Карповна, стоя посреди огорода, громко ругала грядку с капустой за то, что та «опять лентяйничает». Капуста, кажется, слушала.

— Знакомлюсь со свекровью, — сказала Маша.

Олег Борисович помолчал.

— Две недели, — сказал он с внезапным сочувствием. — Держись, Соколова.

Иван тоже работал удалённо. Он разложил ноутбук на столе в горнице, подключил его к какой-то странной штуке — то ли модему, то ли антенне, сделанной, как он объяснил, из старой кастрюли, медной проволоки и ветки рябины, — и уверял, что так ловит интернет «лучше, чем в Москве». Маша не спрашивала, как. Она уже перестала спрашивать «как» примерно к обеду первого дня.

После хлеба Ядвига Карповна вела себя странно. Не грубила. Но и не хвалила. Ходила вокруг Маши кругами, как кошка вокруг незнакомой коробки, — присматривалась, приняхивалась. Иногда останавливалась и подолгу смотрела на неё. Потом хмыкала и уходила.

Утром она поставила перед Машей тарелку с блинами. Молча.

Блины были с припёком — с луком и яйцом. Тонкие, кружевные, золотые. Маша съела восемь штук.

— Сама ты такие не напечёшь, — сказала Ядвига Карповна, глядя, как она ест. — Не умеешь.

— Не умею, — согласилась Маша. — Научите?

Ядвига Карповна замерла. Посмотрела на неё. Потом отвернулась к печке и сказала, не оборачиваясь:

— Посмотрим.

Это было уже больше, чем «нет».

Во вторник Маша познакомилась с соседями.

Кривая Сосна, как выяснилось, была не одной избой посреди леса. Это была деревня. Маленькая, на семь дворов, раскиданных по лесу так, что от одного до другого надо было идти минут по пятнадцать по тропинкам между ёлками. С людьми эту деревню Маша не спутала бы ни за что.

Первой пришла почтальонша.

Она появилась на пороге утром, с огромной сумкой через плечо, в форменной куртке «Почты России», с которой свисали нитки и клочья мха, и в резиновых сапогах. Худая, длинная, с острым носом, с зеленоватыми волосами, собранными в неаккуратный пучок, из которого торчала сухая травинка, с глазами чуть навывкате, как у лягушки. Кожа у неё была бледная, с зеленоватым отливом. И от неё пахло болотом.

— Корреспонденция! — объявила она тонким скрипучим голосом. — Ядвиге Карповне! Пенсия, газета «Красный Север», квитанция за свет и посылка с «Озона»!

— С «Озона»? — переспросила Маша.

— С «Озона», — подтвердила почтальонша. — Ядвига Карповна у нас продвинутая. Заказывает. Я ей ношу из Вологды. — Она понизила голос. — В прошлый раз заказала очки для ступы. С подогревом. Летать зимой, говорит, глаза слезятся.

— Зоя! — крикнула Ядвига Карповна из огорода. — Не болтай! Неси сюда!

— Несу, несу! — Почтальонша сунула Маше газету и квитанцию, а посылку — небольшую, в фирменной синей упаковке — прижала к груди. Потом посмотрела на Машу внимательнее. Глаза у неё моргнули — и Маша увидела, что моргают они не вверх-вниз, а как будто сбоку, прозрачной плёнкой. — А ты, значит, невеста? Ванькина? Наслышана, наслышана. Весь лес говорит. Хлеб испекла!

— Испекла, — сказала Маша.

— И Ядвига не плюнула?

— Не плюнула.

Зоя-почтальонша восхищённо присвистнула. Свист был похож на кваканье.

— Ну ты даёшь! — сказала она. — Она до тебя никого не пропускала. Ваньку уж три раза женить пытались. Одну — из Череповца, дочку металлурга. Та на первом испытании сбежала. Вторую — из Вологды, аспирантку. Та на втором сбежала. А третья — это Леська. Ну, ты знаешь.

— Не знаю, — сказала Маша. — Кто такая Леська?

Зоя открыла рот. Потом закрыла. Посмотрела на огород, где Ядвига Карповна ругала капусту. Потом снова на Машу.

— Ой, — сказала она. — Ой, я, кажется, лишнего наболтала. Я кикимора, нам положено болтать, но не столько же... Ты Ваньку спроси. Ладно? Я пошла. У меня ещё Аристарху Лукичу журнал «Охота и рыбалка» и Кощею — пенсия. Кощей за пенсию, если опоздаешь хоть на час, неустойку требует. В золоте.

И почтальонша-кикимора убежала, шлёпая резиновыми сапогами по тропинке. Маша смотрела ей вслед. От того места, где она стояла, на траве остались мокрые следы. С ряской.

Иван на вопрос про Леську покраснел, побледнел, снова покраснел, снял очки, протёр их, надел и сказал:

— Маш. Это было давно. Это... это не считается.

— Что не считается?

— Мы были детьми. Нас мама и её отец сговорили. Когда мне было пять, а ей четыре. Это у нас... ну, традиция такая была. Мама с водяным договорились. Он хозяин Кубенского озера. Леська — его дочка.

— Водяной, — повторила Маша. — Леська — дочка водяного. Русалка.

— Русалка, — подтвердил Иван несчастным голосом. — Маш, я с ней не встречался. Никогда. Ну, то есть, мы дружили в детстве. Купались вместе. Она меня плавать учила. Потом я в Вологду уехал учиться, потом в Ярославль. Она здесь осталась. Мы даже не переписывались толком. А потом, года три назад, мама сказала: пора, мол, Ванька, Леська созрела, водяной ждёт. А я сказал — нет. Я её не люблю. Я... — Он сглотнул. — Мама на меня тогда месяц не разговаривала. А водяной обиделся и разлил озеро. Три деревни затопило. В новостях было: «Аномальный подъём воды в Кубенском озере». Это он.

— А Леська?

Иван помолчал.

— Леська, — сказал он, — ничего не сказала. Совсем ничего. Ушла в озеро и три года не выходила. — Он посмотрел на Машу. — Маш, честно. Я её не люблю. Я тебя люблю. Я поэтому и не привозил тебя сюда полтора года. Боялся.

— Чего?

— Что Леська узнает.

Маша хотела спросить «и что будет, если узнает?», но не успела. Потому что в этот момент в дверь постучали.

Стук был мокрый. Шлёп, шлёп, шлёп. Как будто кто-то стучал мокрой ладонью.

Ядвига Карповна, сидевшая у окна с папиросой, вскинула голову. Принюхалась. И вдруг — Маша этого никак не ожидала — расплылась в улыбке. Широкой, искренней, почти нежной.

— Леська! — сказала она. — Ну наконец-то! Три года не заходила!

И пошла открывать.

На пороге стояла девушка.

Маша потом пыталась описать её Галине Петровне по телефону и не смогла. Просто сказала: «Мам, она красивая. Очень. Как с обложки». Галина Петровна ответила: «Ну и что? Ты тоже красивая. Ты умная к тому же». Но это было потом.

А сейчас на пороге стояла девушка, от которой невозможно было отвести глаз.

Высокая, тонкая, гибкая. В лёгком летнем платье бледно-зелёного цвета, которое струилось вокруг неё, как вода. Босиком. Волосы — длинные, до самых колен, светлые, с зеленоватым отливом, мокрые. Они всегда были мокрые — это Маша поняла потом. С кончиков волос капало на крыльцо. Кожа — бледная, почти прозрачная, с перламутровым отливом. Губы — розовые. А глаза — огромные, серо-зелёные, как Кубенское озеро в пасмурный день. Бездонные.

В руках девушка держала пирог. Рыбник. Румяный, огромный, на деревянной доске.

— Ядвига Карповна, — сказала она. Голос был тихий, переливчатый, как журчание ручья. — Здравствуйте. Я пирог принесла. С налимом. Как вы любите.

— Лесенька! — Ядвига Карповна обняла её. Прямо так, мокрую. — Заходи, заходи, золотко! Что ж ты три года-то... Ох, ну да ладно. Заходи!

Леся вошла. И посмотрела на Ивана.

Иван встал. Очки у него медленно сползли на кончик носа.

— Привет, Ваня, — сказала Леся.

— Привет, Лесь, — сказал Иван.

Тишина.

Потом Леся повернула голову и посмотрела на Машу. Долго. Внимательно. Бездонными серо-зелёными глазами. В них не было злобы. Не было ненависти. Было что-то другое — холодное, глубокое, неподвижное. Как вода подо льдом.

— А это, значит, она, — сказала Леся. — Ярославская.

— Маша, — сказала Маша и протянула руку.

Леся посмотрела на руку. Потом взяла её. Рука у неё была холодная. Мокрая. И очень сильная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.